

Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96).
Political Linguistics. 2022. No 6 (96).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
 ББК ШП41-12-51+ШП41.12-55
 doi: 10.26170/1999-2629_2022_06_16

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.01.10 (5.9.9)

Александр Александрович Мальшев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, a.malyshev@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>

Август II Сильный и Станислав Лещинский: речевая репрезентация польских королей в газете «Ведомости» (1702–1727)

АННОТАЦИЯ. *Петровские «Ведомости», будучи единственной российской газетой своего времени, представляли официальную государственную точку зрения на международную повестку в новостных материалах, связанных с Польшей как территорией активного влияния России и поэтому неразрывно связанных с польскими королями Августом II Сильным и Станиславом Лещинским. Цель данной статьи — рассмотреть стилистику репрезентации этих двух личностей в сложный исторический момент, который был отмечен явными чертами политической пропаганды с использованием коммуникативных речевых тактик, характерных и для современного медийного дискурса. Полная выборка примеров была исследована с помощью сочетания дискурсивного анализа и стилистического анализа (акцент делался в первую очередь на тональность текстов и использование в них специфических речевых средств). Рассмотрение связующих моментов в дискурсах двух польских правителей показало, что в текстах первой российской газеты Август Сильный изначально был показан как союзник России и друг Петра I, но позже его отношения с российским монархом ухудшились, и это изменило тональность его упоминаний с положительной на нейтральную, иногда даже переходящую в критическую. Станислав Лещинский был изначально представлен как нелегитимный правитель и ставленник Карла XII, не имеющий собственной политической власти, поэтому по отношению к его личности была использована речевая стратегия дискредитации.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские газеты, историческая стилистика, история журналистики, польские короли, речевые стратегии, стратегия дискредитации, дискурс-анализ, Август Сильный, Станислав Лещинский.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мальшев Александр Александрович, кандидат филологических наук, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет; 199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., д. 26; e-mail: malyshev.alexander@mail.ru, a.malyshev@spbu.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ МК 1328.2020.6 «Человек в новостной журналистике XVIII века: историко-стилистический аспект».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мальшев, А. А. Август II Сильный и Станислав Лещинский: речевая репрезентация польских королей в газете «Ведомости» (1702–1727) / А. А. Мальшев. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 151-158. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_16.

Aleksandr A. Malyshev

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.malyshev@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8936-3056>

Augustus II the Strong and Stanislaw Leszczyński: Speech Representation of Polish Kings in the Newspaper “Vedomosti” (1702–1727)

ABSTRACT. *Peter the Great’s “Vedomosti”, being the only Russian newspaper of its time, represented the official state point of view on the international agenda in news materials related to Poland as a territory of active Russian influence and therefore inextricably linked with Polish kings Augustus II the Strong and Stanislaw Leszczyński. The purpose of this article is to consider the stylistics of the representation of these two personalities at a difficult historical moment, which was marked by obvious features of political propaganda using communicative speech tactics, also typical of the modern media discourse. The sample under analysis was investigated using a combination of discursive and stylistic analyses (the emphasis was primarily on the tonality of texts and the use of specific verbal means in them). Consideration of the links between the discourses of the two Polish rulers showed that in the texts of the first Russian newspaper, Augustus the Strong was initially shown as an ally of Russia and a friend of Peter I, but later his relations with the Russian monarch deteriorated, and this changed the tonality of his mentions from positive to neutral, sometimes even turning into critical. Stanislaw Leszczyński was initially presented as an illegitimate ruler and henchman of Charles XII, who did not possess own political power – that is why a discrediting speech strategy was used in relation to his personality.*

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, mass media language, media discourse, media texts, language means, Russian newspapers, historical stylistics, history of journalism, Polish kings, speech strategies, discreditation strategies, discourse analysis, Augustus II the Strong, Stanislaw Leszczyński.

AUTHOR'S INFORMATION: *Malyshev Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS: Research has been accomplished with financial support of the Presidential Grant “Man in News Journalism of the 18th century: Historico-Stylistic Aspect” (МК 1328.2020.6).

FOR CITATION: *Malyshev A. A. (2022). Augustus II the Strong and Stanislaw Leszczynski: Speech Representation of Polish Kings in the Newspaper “Vedomosti” (1702–1727). In Political Linguistics. No 6 (96), pp. 151-158. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_16.*

ВВЕДЕНИЕ

Любая газета на протяжении своего существования неизменно испытывала влияние официальной идеологии, тем более когда речь шла о возникновении газет по воле монархов — такой была и судьба первой российской газеты «Ведомости» (1702–1727), основателем и одним из авторов и редакторов которой долгое время был Пётр Великий, чья воля «идеологического демиурга» и после его смерти оказывала влияние на модальность материалов газеты [Кукса 2014].

История «Ведомостей» описана более чем подробно, исчерпывающее обобщение существующих исследований, обогащенное новыми материалами, уточнениями и интерпретациями, представлено Г. В. Жирковым [Жирков 2003]. Существование этого издания в первой четверти XVIII в. можно разделить на два этапа: функционирование в качестве носителя государственного взгляда на актуальные внешнеполитические события (в первую очередь, на противостояние России и Швеции в ходе Северной войны) и переход к внешне более бытовому освещению основных европейских событий после успешного завершения военных действий — пропагандистский потенциал газеты при этом никуда не исчез, но, как представляется, стал более имплицитным. В то же время, даже при кажущемся снижении уровня политизированности, газета продолжала быть инструментом воздействия на различную аудиторию — как внутри России, так и за ее пределами. В этом отношении несомненный интерес вызывает представление правящих фигур такого ключевого для России соседа, как Польша, судьба которой в те годы также была очень непростой.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрение материалов газет предыдущих исторических периодов позволяет говорить о различных научных проблемах. Во-первых, старые газеты являются ценнейшим источником информации об официальном понимании хода исторических событий непосредственно в тот момент, когда эти события происходили (динамический аспект). Во-вторых, материалы прессы предшествующих эпох образуют уже неподвиж-

ный гипертекст в случае каждой упомянутой в них личности (аспект статики): мы располагаем прекрасной возможностью проследить эволюцию репрезентации таких личностей как в синхронии, так и в диахронии — подобно тому, как Д. С. Лихачёв исследовал эволюцию представления человека в русской литературе допетровского времени [Лихачёв 1970]. В-третьих, крайне важным является обнаружение исторических корней современных медиатекстов и выявление общего и различного между текстами различных эпох в жанрово-стилистическом отношении (см. подобные примеры в [Щеглова 2022]).

Если Ю. М. Коняева рассматривает в коммуникативных сценариях конкретных медиатекстов речевую репрезентацию персоны, типизирующую такие сценарии [Коняева 2018], то не менее значимым с точки зрения выявления историко-стилистической основы этих сценариев является установление принципов речевой репрезентации личности в новостных заметках предшествующих этапов истории журналистики [Малышев 2020]. Здесь уместно вспомнить разделение Ю. М. Лотманом памяти на информативную и креативную (творческую) и отмеченную им необходимость уделять внимание генетическим предшественникам медиатекстов: «...память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма» [Лотман 1992: 200, 202]. Исследуя материалы «Ведомостей», мы ограничимся периодом с 1702 по 1727 г. (от выхода первого печатного номера газеты до фактического прекращения издания при Петре II и передачи газеты в ведение Академии наук).

МЕТОДОЛОГИЯ

Представляется, что наиболее эффективным будет рассмотрение анализируемых примеров с точки зрения сочетания количественного анализа на основании полной выборки упоминаний данных исторических лиц и исторического преломления дискурса анализа (политический контекст) и собственно стилистического анализа с точки зрения как общей тональности текстов (понимая тональность как субъективную текстовую модальность), так и использования в них конкретных речевых средств (ср. [Гаврилова

2004]). Т. С. Макарова справедливо определяет принцип историзма, заключающийся в интерпретации речемыслительной деятельности при описании наиболее значительных общественно-политических событий определенной исторической эпохи, как главный принцип диахронического анализа политического дискурса [Макарова 2018].

В то же время необходимо сделать важную оговорку. Сейчас мы имеем оцифрованную подборку статей «Ведомостей», позволяющую извлечь любой материал и сделать его диахронический анализ; мы также обладаем ретроспективным взглядом на историю интересующего нас времени, снабженную опубликованными и архивными историческими документами (официальными, мемуарными, эпистолярными и др.), позволяющими максимально полно и разносторонне проанализировать этот слепок с прошлого. Для абсолютного большинства аутентичных читателей «Ведомостей» ситуация развивалась иначе: даже если они были осведомлены о политической конъюнктуре, каждый выпуск газеты становился для них новым звеном в цепочке живой истории, творившейся здесь и сейчас, упоминавшиеся в газете персоны были живыми людьми (хотя в силу географических и социальных различий отчасти «виртуальными»), а ход событий порой невозможно было предугадать. Как отмечает В. И. Коньков, спустя непродолжительное время любой медиатекст утрачивает актуальность и переходит в сферу когнитивных артефактов эпохи, при этом «медиа-текст для исследователя, изучающего ушедшую эпоху, является носителем информации, существующим вне конкретных пространственно-временных координат» [Коньков 2015: 176; Коньков 2020: 52–54]. Схожую точку зрения высказывает и М. И. Стюфляева, отмечающая, что публицистика «обеспечивает образное воссоздание личности и построение логико-аналитической ее концепции» [Стюфляева 1989: 134].

Таким образом, мы должны одновременно рассматривать исследуемый материал с позиций современного научного знания и пытаться взглянуть на него глазами наших предков, чтобы не потерять как общее представление, так и свежесть взгляда на каждый пример. Это несомненно приводит нас к ограничению источника лишь материалами «Ведомостей», зато при этом мы можем полноценно говорить не о множестве субъективных трактовок описываемых событий, но о конкретном идеологическом их осмыслении и представлении, общем и едином для всех читателей того времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приступая к аналитическому осмыслению заявленного вопроса, я позволю себе не останавливаться на биографических и политических сведениях об Августе Сильном и Станиславе Лещинском, поскольку обе личности подробно описаны биографически и политически [Feldman 1948; Staszewski 1998].

Противостояние польских королей занимает важное место в материалах «Ведомостей», поскольку внешнеполитические интересы России напрямую зависели от того, кто окажется на польском престоле и какую политику будет проводить.

Оба короля часто появляются на страницах газеты: сплошная выборка показала не менее 67 случаев упоминания Августа Сильного и не менее 58 упоминаний Станислава Лещинского — из европейских монархов речь чаще идет лишь о шведском короле Карле XII и французском короле Людовике XV, а также о Римском Папе как высшей католической церковной должности. Частотность эта неоднородна, мы можем выделить периоды наиболее активного упоминания: для Августа Сильного это будут 1703–1706 и 1724–1726 гг., для Станислава Лещинского — 1704–1707 и 1725 гг. Нетрудно заметить, что часть дат совпадает, что связано с обострением внутренней польской политики из-за первого прихода Лещинского к власти. Вторичное нарастание упоминаний для Августа связано с требованиями европейских стран прекратить притеснения польских протестантов, для Станислава — с бракосочетанием его дочери с молодым королем Франции Людовиком XV.

Для начала рассмотрим принципы номинации каждого правителя, которые в официальных документах, а «Ведомости» в значительной степени таковыми являлись, никогда не были случайными [Руднев 2021].

Август Сильный поначалу именуется только сочетанием «Король Полский» (здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии с сохранением пунктуации оригинала), лишь в новости от 20 сентября 1704 г. читатели узнают его имя (достаточно абстрактный титул таким образом становится реальным человеком): «Король Полский Август сам намерился неприятеля встретить», после чего не менее устойчивым становится номинация «Король Август»: «Король Август к шляхте послал указы» (18 июня 1705); «Король Август, у Его Царского Величества обретается» (22 декабря 1705); «Король Август со всем домом еще в Дрездене пребывает» (26 мая 1707) и т. д. Встречаются и варианты наименования «Король Полский Август», «Королевское Вели-

чество Полский» или же просто «Король» (когда по контексту или месту — источнику новости понятно, о короле какой страны идет речь); встречаются также новости из Дрездена, в таких случаях упоминается и о саксонском правлении Августа, определяемого словом «курфюрст»: «Король Полской наш Курфюрст» (2 октября 1719; 5 мая 1725).

Станислав Лещинский в первых заметках называется «новым Королём», причем его имя указывается уже при шестом упоминании: «Новый король Станислав» (5 октября 1704), однако затем имя на некоторое время становится редкостью, а его место в основном занимают описательные наименования, что определенно связано с неприятием Россией его прихода к власти из-за тесной связи с Карлом XII: субстантивированные причастия «новоназначенный» (22 ноября 1704), «новообранный» (29 января 1705) и «новокоронованный» (25 сентября 1706), словосочетания «новый електус» и «новый елект» (после 9 декабря 1704) — лишение человека имени превращает его в безликий субъект, который не может быть настоящим королем Польши. Однако с 1707 г. имя возвращается: «Новокоронованной Станислав <в Лейпциге> обретается» (21 января 1707), затем устойчивым становится сочетание «Король Станислав». Отдельно отметим толкование странного для русского читателя слова «електус»: «новой електус [новоизбранный король]» (19 января 1705) и апеллирование к указам кардинала примаса, чтобы в Варшаве Лещинского «за Короля Полскаго приняли» (6 июля 1705).

В 1711 г. Станислав Лещинский по инерции всё еще именуется «королём Станиславом», однако затем исчезает из новостной повестки и спустя десять лет внезапно обнаруживается в сообщении, сочетающем полное имя и указание на прежний статус: «Станислав Лещинский [которой прежде сего назывался Королем Полским] поехал тайно из Кронвеисенбурга, но неведомо куды» (31 августа 1721). Статус бывшего короля на несколько упоминаний становится атрибутом Лещинского: «партия для прежде бывшего Короля Станислава», невеста короля Франции «есть Принцесса Мариа дочь прежде бывшего Короля Станислава», «бывший Король Станислав, приедет со всею своею Фамилиею резидовать в Санкт Жермаине» (12 мая 1725) — мы можем видеть слитное («преждебывший») или раздельное («прежде бывши») написание этого атрибута, однако он практически неизменно появляется рядом с именем будущего тестя короля Франции; после свадьбы Марии Лещинской ее отец именуется «Король Стани-

слав», то есть уже без указания на статус бывшего короля.

Ключевым вопросом является общестиллистическое представление каждого из королей. Август Сильный поначалу упоминается достаточно бегло, типичными являются фиксирующие его действия сообщения вроде «В Торуне у короля Полскаго многие велможи обретаются» (15 января 1703). Однако достаточно быстро поступки польского короля обретают более распространенные характеристики, имеющие положительные коннотации: так, намерение заключить союз с Россией передается акциональным глаголом «радеет», демонстрирующим активность выполнения этого намерения (4 ноября 1703). Король Август воспринимается и представляется как верный и надежный союзник: он устраивает «великий банкет» в честь победы над шведским флотом на Чудском озере, в честь чего «от радости» стреляют из пушек (22 августа 1704); во Львове устраивается салют «про здравие Его Царскаго Величества, и Короля Полскаго» (14 сентября 1704) — совместное упоминание обоих монархов призвано показать их политическое сближение.

Действия Августа как короля проникнуты милосердием и строгой заботой о поляках: отбив Варшаву у Лещинского, он «под смертною казнию запретить велел» проявления мародерства (13 октября 1704); в ходе боевых действий обменивает шведских пленных на поляков (25 ноября 1706); неоднократно встречается эпитет «милостивый» («милостивое решение», «милостивый универсал»). После появления на политической арене Станислава Лещинского возникает внутривнутриполитическое противостояние, причем в «Ведомостях» демонстрируется поддержка законного («правдивого») короля многочисленными группами разных лиц: «Многие великие господа, с стороны новаго електа, сторону Королевскаго Величества приняли» (9 декабря 1704); польские войска объявили Петру I, «что они всякою верностию и ревностию ко обороне правдиваго своего Короля Августа служить хотят» (29 ноября 1705; здесь обратим внимание на устойчивое сочетание «верностию и ревностию», содержащее звукопись «верн — ревн»). Поддержка эта ощущается и стороны России: в данном случае даже сам факт встречи двух монархов уже приобретает политический вес, тем более когда это происходит «велми приятно и уборно со стрельбою» (18 декабря 1705) — интенсификация «приятности» на речевом уровне демонстрирует расположенность Петра к Августу. Более того, новость от 18 декабря 1725 г.

«Московские и саксонцы <перейдя Вислу> от гвардии новокоронованного сто человек изрубили, и в полон взяли» демонстрирует успешные совместные боевые действия войск двух правителей против солдат Станислава Лещинского.

Однако затем король Август совершает неблагоприятный поступок, встретившись с Карлом XII. Новость об этой встрече (21 января 1707) на удивление пронизана позитивной тональностью и насыщена положительно окрашенной лексикой: «приятно меж собою витався... долгое время разговор меж собою имели, и тогоже вечера купно ужинали... великое дружелюбие меж собою утвердили... друг друга великою радостью и удовольствием приняли», — здесь отдельно отметим риторическое восклицание «Дивный пример, что два Короля которые так долго воевали, а скоро помирились», построенное на контрастном противопоставлении «долго — скоро» и передающее восторженное удивление от миролюбия обоих правителей. Впрочем, этот восторг легко объяснить: текст сообщения был переведенным, а редакция «Ведомостей» не сочла нужным корректировать его приподнятое звучание.

Неслучайным видится после этого появление сдержанного информирования о заключении союза России с Польшей: «Его Царское Величество, не токмо союз с смертным человеком Королем Августом, но и с Речью Посполитою которая не умрет, учинит» (8 февраля 1707) — если в случае Августа Сильного утверждается его человеческая смертная природа, то Пётр I имплицитно обретает бессмертие: пара «смертный Август — бессмертная Речь Посполитая» не имеет соответствия «смертный Пётр — бессмертная Россия», поскольку для России существует только «Его Царское Величество».

В дальнейшем упоминания короля Августа преимущественно сводятся к фиксации его перемещений (пребывание в Дрездене, намерение ехать в Варшаву, приезд в Варшаву, пребывание в Варшаве, поездка в Дрезден, встречи с министрами и послами и т. д.). В тех случаях, когда его действия описываются более подробно, они также подаются достаточно отстраненно: Август может радушно приветствовать сына и сноху (2 октября 1719), стремиться «возставить тишину в Королевстве» (6 мая 1720), но беглость упоминаний заставляет предположить, что Петр I всё же не простил польскому королю попытки сблизиться с Карлом XII. Доказательством этого может служить сообщение «Король продолжает держать тайные Конференции с своими Министрами и Сенаторами» (21 декабря 1724) — помимо собст-

венно экспликации тайной переписки, которая на самом деле не является секретом, в этих словах слышится насмешливый намек и на осведомленность в содержании этих конференций.

Некоторые поступки Августа могут вызывать сомнения в искренности его заботы о поляках, поскольку он поступает больше в интересах родной Саксонии: так, пока Польше грозят войной из-за притеснений протестантов, «Король Польскои наш Курфюрст обретается в своем Лустгаузе» (16 апреля 1725) — пребывание в дрезденском увеселительном доме (лустгауз, нем. Lusthaus) в столь важный для страны момент не могло не дезавуировать облик заботливого монарха. Схожим образом оказывает отрицательное влияние на восприятие короля и его нежелание жертвовать саксонской армией в случае возможной войны из-за протестантов и одновременная готовность подставить польских рекрутов под огонь шведов, англичан и прусской армии (12 мая 1725).

Кроме того, интересным примером бытования Августа Сильного становятся упоминания его самочувствия: «Понеже Польскои Король не весма от своей болезни обмогся... он может быть поедет в теплицы в Карлсбад прежде возвращения своего в Варшаву» (17 сентября 1722); «Король редко является в народе, для того, что Его Величество изволит принимать от времени до времени лекарства в предосторожность» (конец октября 1726) — вторая новость была напечатана уже после смерти Петра I, однако оба примера представляют польского короля обычным человеком, который болеет точно так же, как и простые люди, в то время как российские правители никогда не болеют (по крайней мере, на страницах «Ведомостей»), а посещение Петром и Екатериной лечебных марциальных вод в Карелии представлено как профилактическая поездка [Малышев 2021].

Станислав Лещинский, будучи соперником Августа Сильного, был представлен в текстах «Ведомостей» в основном в негативном ключе. Так, в значительной части новостей он изображается как ставленник шведского короля, то есть как незаконный правитель, протее, который при этом находится в полной зависимости от своего господина. «Новизна» его нахождения на польском престоле постоянно подчеркивается лексикой с корнем «нов» (примеры приведены выше) вплоть до 1707 г. — годы идут, но он по-прежнему воспринимается как инородная фигура, не могущая стать полноценным монархом и обрести политическую устойчивость.

Марионеточная природа правления Лещинского актуализируется регулярными упоминаниями его связи с Карлом XII, в том числе:

– силовой поддержкой со стороны Швеции: «Свейский Король новаго Короля обнадежил, что войска его из Полши не выдут, дондеже он на правителстве укреплен будет» (14 сентября 1704) — данный пример демонстрирует не столько политическую, сколько военную слабость короля Станислава, не могущего защитить как себя, как и Польшу от иностранного вторжения (собственно, интервенция уже состоялась, и главный интервент лишь имитирует самостоятельность Лещинского);

– «Король Свейский универсал выкликать велел, кто не примет сторону новаго Короля Станислава. И того яко неприятеля огнем и мечем казнить» (8 июня 1706) — прошло более полутора лет, но новый король всё еще не обрел политический вес в собственном государстве, что заставляет короля Карла принуждать поляков к подчинению под страхом смерти — это демонстрирует искусственность власти Лещинского и неприятие его правления со стороны значительной части общества;

– постоянными встречами с сюзереном: «Король Свейский часто посещает новаго короля, также и новый король по часту в обоз к королю Свейскому ездит» (11 ноября 1704); «Король Станислав с полскими королевичи, Яковом и Константином <к Карлу XII> приехали... На обеде сидели за столом, Станислав на правой стороне, подле него королевичи оба» (27 января 1707) — несмотря на почетное место за столом, Лещинский не может быть назван полновластным монархом, поскольку частота его встреч со шведским королем в большей степени демонстрирует не взаимное дружеское расположение, но несамостоятельность принимаемых им решений и потребность в регулярных консультациях;

– искусственностью коронации и затягиванием ее осуществления: «Новообранной намерился будущей весны войско собирать, чтоб скорее его коронование совершилось» (4 марта 1705) — упоминание войска для ускорения коронации заставляет воспринимать торжественное событие как очередное проявление насилия над жителями Польши, поскольку подлинная коронация совершается как праздник и воспринимается положительно.

Впрочем, само осуществление коронации представлено нейтрально: «Новообранной октября в 3 день в ноци в соборном костеле при архиепискупе Львовском присягу

учинил, коронование его октября в 4 день по обыкновенному торжеству совершилося» (16 ноября 1705);

– подчеркиванием незаконности притязаний Лещинского на престол: «Писмо о проглашении новья елекции прислано, чтоб мир учинить с Королем Августом, а Короля Станислава за короля непочитать» (15 февраля 1707) — утвердительный императив в отношении восприятия Августа и отрицательный в отношении Станислава фактически являются инструкцией к действию;

– регулярной демонстрацией шаткости положения короля Станислава из-за неприятия его большинством высокопоставленных поляков: «Многие великие господа, с стороны новаго електа, сторону Королевскаго Величества приняли» (9 декабря 1704) — в данном случае количественная семантика просто констатирует факт поддержки Августа Сильного именно высшей польской знатью.

В примере «Большая часть сенаторов, и шляхта к Королю Станиславу малую склонность имеют, а говорят что он не общим глазом обран. А Его Царское Величество тое сторону утверждает» (20 февраля 1707) речь идет о более широком круге лиц, ставится под сомнение законность коронации и, что особенно важно, декларируется мнение Петра I об этой ситуации.

В то же время отмечается и наличие у нового короля сторонников: «В Костене вся шляхта Королю Станиславу служит, и кровь свою за него проливать обещались... Многие воеводства обязались все учинить, чего Король Станислав желает, и хотят с ним в Краков итти, и его короновати... Новой електус гораздо укрепляется» (19 января 1705); «Поляки многие приходят, и новообранному покаряются» (15 мая 1705) — однако затем, как мы уже видели, наступает отторжение.

После возвращения на польский престол Августа Сильного его соперник на долгое время исчезает из новостей, а новый виток интереса к нему возникает в связи с приобретением его дочерью Марией статус невесты молодого французского короля Людовика XV. Из упоминаний самого общего характера выделим новости от 22 мая и 3 июля 1725 г., насыщенную крайне положительным описанием дочери бывшего короля, имевшей много достоинств (впрочем, если красоту она получила от родителей, то образование и прекрасное знание немецкого, французского, итальянского языков и латыни ей дали во французском монастыре). Отметим и сообщение «Дозналися о умысле на Короля Станислава, котораго хотели отравить турецким табаком, которои имел ему подать один Поляк» (5 августа 1725) — из

этой новости трудно сказать о причине попытки отравить Лещинского, однако читатель вновь получил напоминание о бывшем короле, который даже много лет спустя и в статусе отца будущей супруги монарха Франции оставался для поляков весьма неприятной фигурой.

ВЫВОДЫ

Рассмотрение пересекающихся дискурсов двух правителей Польши позволило проследить, как в новостных сообщениях первой российской газеты представлялись обе личности: если Август Сильный поначалу предстал союзником России и другом Петра Великого, но затем интриги превратили его в недобросовестного вассала российского императора, что не замедлило сказаться на тональности упоминаний о нем в «Ведомостях», то Станислав Лещинский с самого начала изображался как незаконный правитель, не имеющий собственной политической воли. В этом проявляется своеобразный модальный синкретизм материалов «Ведомостей», модальные взаимослоения, когда «средства выражения объективной и ситуативной модальности взаимодействуют на функционально-смысловом уровне со средствами субъективной модальности» [Кукса 2021: 162–163, 165].

Определяющим началом в понимании общей стилистики текстов «Ведомостей» являются не столько конкретные речевые средства (хотя они, конечно, играют важную роль — в частности, номинации каждой личности), сколько тональность текстов. В случае со Станиславом Лещинским значение приобретают определенные речевые действия, направленные на его дискредитацию, среди которых выделяются сомнение в законности его нахождения на троне и акцентирование внимания читателей на его полной зависимости от Карла XII.

Действия польских королей, пусть один из них продолжительное время и являлся союзником России, несомненно противопоставляются поступкам Петра Великого, который в текстах «Ведомостей» предстает исключительно решительным, справедливым, не испытывающим недомогания правителем, проводящим дни в неустанных трудах на благо Отечества и неизменно разделяющим со своим народом как радости, так и тяготы военного времени.

Станислав Лещинский переживет своего соперника на 33 года, на непродолжительное время снова став королем Польши после смерти Августа Сильного, однако это будет уже другое время — в эпоху же правления Петра Великого, когда закладывались

основы русской журналистики, изначально выражавшей государственную точку зрения на представляемые события, стилистика репрезентации двух этих личностей в непростой исторический момент уже носила характер политической пропаганды с использованием коммуникативных речевых стратегий и тактик, присущих и современному медиадискурсу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М. В. Гаврилова. — Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127–139.
2. Жирков, Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики / Г. В. Жирков. — Санкт-Петербург : Роза мира, 2003. — 202 с. — Текст : непосредственный.
3. Коньков, В. И. Утилитарность как базовое свойство медиатекста / В. И. Коньков. — Текст : непосредственный // Медиалингвистика. — Санкт-Петербург, 2015. — Вып. 4. — С. 174–177.
4. Коньков, В. И. Публицистичность, медийность, публицистический стиль / В. И. Коньков. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. — 2020. — Вып. 6. — С. 50–57.
5. Коняева, Ю. М. Информационный портрет в аспекте категории персональности / Ю. М. Коняева. — Текст : непосредственный // Век информации. — Санкт-Петербург, 2018. — Вып. 2 (2). — С. 40–41.
6. Кукса, И. Ю. Функциональная специфика авторских интенций в первопечатной российской газете «Ведомости» / И. Ю. Кукса. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. — 2014. — № 8. — С. 17–22.
7. Кукса, И. Ю. Модально-коммуникативная специфика первопечатной газеты «Ведомости времени Петра Великого» / И. Ю. Кукса. — Текст : непосредственный // Модальность. Коммуникация. Текст. — Калининград : [б. и.], 2021. — С. 158–165.
8. Лихачёв, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачёв. — Москва : Наука, 1970. — 180 с. — Текст : непосредственный.
9. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении / Ю. М. Лотман. — Текст : непосредственный // Избранные статьи / Ю. М. Лотман. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1 — С. 200–202.
10. Макарова, Т. С. Проблема интерпретации исторического политического дискурса / Т. С. Макарова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2018. — № 3 (69). — С. 114–121.
11. Мальшев, А. А. Речевая репрезентация человека в новостной журналистике XVIII века как историко-стилистика проблема / А. А. Мальшев. — Текст : непосредственный // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. — Гродно : Изд-во Гродненского гос. ун-та, 2020. — Ч. 2. — С. 169–175.
12. Мальшев, А. А. Властители мира в петровских «Ведомостях» (1702–1727): стилистика священного и мирского / А. А. Мальшев. — Текст : непосредственный // Медиаскоп. — 2021. — Вып. 3. — URL: <http://www.mediascope.ru/2724>.
13. Руднев, Д. В. Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именования Пугачева в документах 1770-х гг.) / Д. В. Руднев. — Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2021. — Т. 18. — № 3. — С. 590–608.
14. Стофляева, М. И. Человек в публицистике / М. И. Стофляева. — Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1989. — 143 с. — Текст : непосредственный.
15. Щеглова, Е. А. Особенности репрезентации французского королевского двора в газете «Ведомости» (первая четверть XVIII века) / Е. А. Щеглова. — Текст : непосредственный // Вторые Фортунатовские чтения в Карелии. —

Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2022. — С. 73–75.

16. Feldman, J. Stanisław Leszczyński / J. Feldman. — Wrocław : Książnica Atlas, 1948. — Text : unmediated.

17. Staszewski, J. August II Mocny / J. Staszewski. — Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Ossolineum, 1998. — Text : unmediated.

REFERENCES

1. Gavrilova, M. V. (2004). *Politicheskiy diskurs kak ob"ekt lingvisticheskogo analiza* [Political discourse as an object of linguistic analysis]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 3, 127–139. (In Russ.)

2. Zhirkov, G. V. (2003). *Epokha Petra Velikogo: osnovanie russkoy zhurnalistiki* [The Epoch of Peter the Great: the Foundation of Russian Journalism]. St. Petersburg: Roza mira, 202 p. (In Russ.)

3. Kon'kov, V. I. (2015). *Utilitarnost' kak bazovoe svoystvo mediateksta* [Utilitarianism as a basic property of the media text]. In *Medialingvistika*, 4, 174–177. (In Russ.)

4. Kon'kov, V. I. (2020). *Publitsistichnost', medynost', publitsisticheskii stil'* [Journalism, media, journalistic style]. In *Aktual'nye problemy stilistiki*, 6, 50–57. (In Russ.)

5. Konyaeva, Yu. M. (2018). *Informatsionnyy portret v aspekte kategorii personal'nosti* [Information portrait in the aspect of the category of personality]. In *Vek informatsii*, 2(2), 40–41. (In Russ.)

6. Kuksa, I. Yu. (2014). *Funktsional'naya spetsifika avtorskikh intentsiy v pervopechatnoy rossiyskoy gazete "Vedomosti"* [Functional specificity of author's intentions in the first printed Russian newspaper "Vedomosti"]. In *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta imeni Immanuila Kanta*, 8, 17–22. (In Russ.)

7. Kuksa, I. Yu. (2021). *Modal'no-kommunikativnaya spetsifika pervopechatnoy gazety "Vedomosti vremeni Petra Velikogo"* [Modal-communicative specificity of the first printed newspaper "Vedomosti of the time of Peter the Great"]. In *Modal'nost'. Kommunikatsiya. Tekst* (pp. 158–165). Kaliningrad. (In Russ.)

8. Likhachev, D. S. (1970). *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 180 p. (In Russ.)

9. Lotman, Yu. M. (1992). *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in cultural illumination]. In *Yu. M. Lotman. Izbrannye stat'i* (Vol. 1, pp. 200–202). Tallinn. (In Russ.)

10. Makarova, T. S. (2018). *Problema interpretatsii istoricheskogo politicheskogo diskursa* [The problem of interpretation of historical political discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*, No 3(69), 114–121. (In Russ.)

11. Malyshev, A. A. (2020). *Rechevaya reprezentatsiya cheloveka v novostnoy zhurnalistike XVIII veka kak istoriko-stilisticheskaya problema* [Speech representation of a person in news journalism of the XVIII century as a historical and stylistic problem]. In *Slavyanskiy mir i natsional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoy kommunikatsii* (Vol. 2, pp. 169–175). Grodno. (In Russ.)

12. Malyshev, A. A. (2021). *Vlastiteli mira v petrovskikh «Vedomostyakh» (1702–1727): stilistika svyashchennogo i mirskogo* [The Rulers of the World in Peter's Vedomosti (1702–1727): the stylistics of the sacred and the profane]. In *Mediascope*, 3. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/2724> (In Russ.)

13. Rudnev, D. V. (2021). *Imya cheloveka v delovoy kommunikatsii XVIII v. (osobennosti imenovaniya Pugacheva v dokumentakh 1770-kh gg.)* [The name of a person in business communication of the XVIII century (features of naming Pugachev in documents of the 1770s)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature*, 18(3), 590–608. (In Russ.)

14. Styuflyayeva, M. I. (1989). *Chelovek v publitsistike* [Man in journalism]. Voronezh, 143 p. (In Russ.)

15. Shcheglova E. A. (2022). *Osobennosti reprezentatsii frantsuzskogo korolevskogo dvora v gazete «Vedomosti» (pervaya chetvert' XVIII veka)* [Features of the representation of the French royal court in the newspaper Vedomosti (the first quarter of the XVIII century)]. In *Vtorye Fortunatovskie chteniya v Karelii* (pp. 73–75). Petrozavodsk. (In Russ.)

16. Feldman, J. (1948). *Stanisław Leszczyński*. Wrocław: Książnica Atlas.

17. Staszewski, J. (1998). *August II Mocny*. Wrocław, Warszawa, Kraków: Ossolineum.